

Цуй Пэн сегодня должен был вести сольную партию. Он приходился родным племянником Цуй Дафу — капитану вокальной труппы и человеку весьма влиятельному.

Дядя придавал этому выступлению огромное значение. Стал бы он иначе на протяжении последних недель без конца зудеть над ухом племянника, требуя беречь связки и напрочь забыть о выпивке и табаке? Но выдержать почти полмесяца сурового режима оказалось выше сил Цуй Пэна. Стоило дяде отвернуться, как парень дрогнул — словно бес попутал, потянулся к заветной пачке.

Его верный прихвостень тут же угодливо чиркнул спичкой. Вспыхнул огонёк, и оба скрылись в тенистых зарослях парка, с наслаждением выпуская кольца сизого дыма.

Вдруг в поле зрения прихвостня проскользнул изящный девичий силуэт. Тот поспешно дёрнул приятеля за рукав:

— Брат Цуй, глянь-ка туда. Кто это у нас?

Цуй Пэн скользнул взглядом по тропинке и замер с открытым ртом. В новоприбывшей он без труда узнал новенькую из танцевальной труппы — девятнадцатилетнюю Хэ Цзяоцзяо. Ему уже доводилось видеть её на репетициях. Такая хрупкая фигура, такое кукольное личико... Куда там Ян Хуэйцинь, которую дядя так усиленно пытался ему сосватать!

Ян Хуэйцинь верховодила среди танцовщиц и имела все шансы возглавить танцевальную труппу. Цуй Дафу, руководствуясь простым правилом — всё лучшее в семью, — спал и видел, как племянник приберёт девицу к рукам. Так они укрепили бы своё влияние в ансамбле песни и пляски, а со временем парень унаследовал бы её должность. С такой поддержкой кресло директора всего ансамбля песни и пляски оказалось бы у Цуй Дафу в кармане.

Красавиц в ансамбле песни и пляски хватало, и на такую пресную девицу, как Хуэйцинь, Цуй Пэн даже смотреть не хотел. Соглашался крутиться вокруг неё лишь ради будущих перспектив. Но недавний скандал спутал все карты: Хуэйцинь умудрилась восстановить против себя весь коллектив, и капитан Чжу отчитала её прилюдно, перед всеми артистами.

Тут-то Цуй Пэн и призадумался. Раз уж девице больше не светит руководящая должность, к чему перед ней пресмыкаться? Насильно мил не будешь... И его хищный взор мгновенно переключился на свежую партию новеньких девчат.

Цуй Пэн лениво выслушал заискивающий трёп своего подпевалы, небрежно провёл ладонью по лицу, взъерошил волосы и вальяжной походкой вышел из кустов. На его губах играла самодовольная ухмылка.

— Цзяоцзяо, какая встреча! Давненько не виделись.

— Опять ты! — Хэ Цзяоцзяо испуганно отпрянула на несколько шагов. — Что ты тут забыл?

С того самого дня, как она переступила порог ансамбля песни и пляски, Цуй Пэн стал её главным кошмаром. Этот наглец не давал ей прохода, вызывая лишь глухое раздражение.

— А что это у нас в руках? — Цуй Пэн бесцеремонно ухватился за термос-судок. — Неужто мне несёшь?

Хэ Цзяоцзяо с трудом подавила желание закатить глаза.

— С какой стати? Это мне брат передал!

Цуй Пэн прекрасно знал, откуда у неё судок, но упускать случай поиздеваться не собирался. Он шагнул ближе, растягивая губы в ехидной улыбке:

— Какая прелесть. Брат, говоришь? Что-то я о таком не слыхал. Ладно тебе скромничать, Цзяоцзяо. Раз уж этот чистоплюй Сун Чжиши побрезговал твоим супом, отдай его мне. Я с радостью выпью.

Хэ Цзяоцзяо ошарашенно уставилась на него. Неужели на свете бывают настолько толстокожие люди? Мысль была столь отчётливой, что она не удержалась и высказала её вслух:

— Да у тебя совесть есть вообще? Ну и наглец!

Цуй Пэн даже не нахмурился. Напротив, он расплылся в улыбке, которую сам считал неотразимой:

— У этого Сун Чжиши происхождение паршивое — внук капиталиста. Ты, сестрица Цзяоцзяо, ещё глупенькая, молодая, держись от него подальше. А то потащишься с этой куриной похлёбкой, а потом проблем не оберёшься.

Хэ Цзяоцзяо вспыхнула от гнева и стыда. Значит, этот мерзавец подслушал их разговор с Сун Чжиши! Её робкие чувства к молодому человеку были чистыми, и подобные грязные намёки больно ранили её гордость.

— Ещё раз полезешь ко мне — я всё сестре Сюйин расскажу!

При упоминании Чу Сюйин Цуй Пэн невольно поморщился. Эта девица из вокальной группы обладала характером взрывным и острым на язык. Из-за её бдительного ока он и носа не смел высунуть в сторону новоприбывших певиц, отчего и вынужден был искать добычу на чужой территории — среди балерин.

Но сейчас, распалённый духотой и собственной злостью, Цуй Пэн сорвался:

— Беги, жалуйся! Думаешь, твоя Чу Сюйин мне что-то сделает? Напугала!

— Да я лучше эту похлёбку на землю вылью, чем тебе хоть каплю оставлю! — выкрикнула Хэ Цзяоцзяо, окончательно выйдя из себя.

Лицо Цуй Пэна налилось багровым гневом. Он рванулся вперёд, силой вырвал из её рук тяжёлый судок и, заглянув внутрь, злорадно процедил:

— Всего лишь суп. Знаешь что? Я его выпью. Прямо сейчас, у тебя на глазах!

Не слушая её возражений, он сорвал крышку и принялся жадно хлебать наваристый бульон прямо через край.

— Ты... сумасшедший! — Хэ Цзяоцзяо трясло от негодования.

Осушив судок, Цуй Пэн шумно утёр рот рукавом, торжествующе глядя на девушку. Затем выловил со дна сочную куриную ножку и с хрустом вонзил в неё зубы.

— Неплохо, — прочавкал он, — только мясо жестковато. Курица явно старая была.

Поняв, что спорить с этим животным бесполезно, Хэ Цзяоцзяо развернулась и бросилась прочь.

Вслед ей полетел издевательский хохот Цуй Пэна и его прихвостня.

— Эй, товарищ Хэ! — крикнул Цуй Пэн вдогонку. — А судок-то забрать забыла!

Но девочка лишь прибавила шагу.

Когда её шаги стихли в глубине аллеи, прислужник нерешительно переступил с ноги на ногу:

— Брат Цуй... А если она и правда пожалуется?

— И что с того? — Цуй Пэн высокомерно сплюнул косточку. — Пусть попробует. Расскажет, как я её суп съел, а я в ответ заявлю, что она тут втихаря деликатесами брюхо набивает. Военный лагерь кругом, охрана на каждом шагу, а к ней посторонние шастают. «Брат принёс», как же! С виду такая скромница, а на деле небось всю крутит шуры-муры на стороне. Грязная девка.

— Ну ты голова, брат Цуй! — подобострастно закивал прихвостень. — Ловко ты её умыл.

Но злость Цуй Пэна так просто не утихала. Он в сердцах пнул сухую ветку:

— Тьфу! Вечно бабы липнут к этому выскочке Суну. Что они в нём нашли? Внук буржуя недобитого! Скажи спасибо, что во время чисток его до смерти не забили, а он ещё нос воротит, барина из себя строит.

Они постояли ещё немного, лениво переругиваясь, пока Цуй Пэн наконец не скомандовал:

— Ладно, пошли обратно. Скоро наш выход.

Сун Чжиши обо всей этой возне даже не догадывался. Его определили в хозяйственный отряд — проще говоря, на побегушки к артистам. Ему приходилось таскать реквизит, гладить костюмы и следить, чтобы у выступающих было всё необходимое.

После того памятного скандала, когда ветераны сцены пытались проучить новичков, капитан Чжу Фанцзе приняла жёсткие меры. Она расселила старожилов и новоприбывших по разным репетиционным залам. Из-за этого Ян Хуэйцинь долгое время не могла подобраться к Сун Чжиши. Но сегодня, в суматохе перед большим концертом, судьба наконец свела их нос к носу, и упускать возможность отыгаться она не собиралась.

Впрочем, на рожон Хуэйцинь больше не лезла — поумнела.

Она вспомнила рассказы о том, как в былые времена законные жёны богатых помещиков изводили придирками молодых наложниц. Способы те были изощрёнными: и человека до белого каления доведёшь, и формально к тебе не подкопаешься. Вот и она решила опробовать древнюю науку на строптивом юнце.

«Ишь, выискался благородный, — злорадно думала Хуэйцинь, наблюдая за ним из-под прикрытых век. — Попляшешь ты у меня»

Сначала она велела Чжиши принести ей стакан воды. Тот покорно принёс, но Хуэйцинь, едва пригубив, брезгливо поморщилась:

— Кипяток! Убить меня вздумал?

Чжиши молча забрал стакан и вернулся с тёплой водой. На этот раз девица заносчиво фыркнула:

— Слишком холодная, горло застужу перед выступлением!

Если бы Сун Чжиши не вырос в роскошных залах особняка Сун, он, может, и растерялся бы. Но подобные дешёвые трюки вызывали у него лишь ироничную улыбку. Бороться с мелкими пакостями он умел превосходно.

Капитан Чжу Фанцзе, конечно, всегда была готова вступить за него, но не бегать же к ней из-за каждого стакана? С этой змеей он разберётся сам.

Чжиши позвал двоих парней из подсобных рабочих. Вместе они внесли в гримёрку несколько тяжёлых деревянных подносов, уставленных стаканами. Чего там только не было: ледяная колодезная вода, крутой кипяток, ароматный тёплый чай, отвары и даже редкая, дорогая апельсиновая газировка по десять фэней за бутылку. Всё это богатство Чжиши с вежливой улыбкой расставил перед артистами:

— Пожалуйста, угощайтесь, дорогие сёстры. Вы так тяжело трудились сегодня.

Улыбка его была обезоруживающе мягкой, а на щеках проступили очаровательные ямочки. Перед таким обаянием не устояла бы ни одна женщина.

Гримёрка тут же оживилась. Девушки, уставшие от капризов Ян Хуэйцинь, с радостью принялись разбирать напитки. Разумеется, все они прекрасно поняли, к чему были эти придирки с водой, и про себя лишь покрутили пальцем у виска — устраивать сцены перед самым выходом на сцену было верхом глупости. Да и задобренные щедростью Чжиши артистки тут же приняли его сторону. В конце концов, дело происходило в расположении воинской части, и случись скандал — даже директору Ли не поздоровилось бы.

— Ладно тебе, Хуэйцинь, у товарища Суна и так дел невпроворот, вон вокальной труппе тоже помощь нужна, — примирительно заметила одна из солисток.

— Вот именно. Сами можем воду налить, чай не барыни какие, — поддержала её другая.

Ян Хуэйцинь оставалось лишь злобно сопеть в углу. Заступить за неё было некому, и продолжать скандал она не решилась.

После полудня за кулисами стало совсем не протолкнуться. К артистам ансамбля присоединились солдаты-срочники, вызвавшиеся помочь со сценой, и многочисленные агитбригады из соседних коммун. В этой суматохе Сун Чжиши надеялся отыскать тех, кто мог знать его вторую сестру, Сун Чжиин.

Приметив в толпе мужчину с повязкой бригады Хунсин, он протиснулся к нему и негромко спросил, не слышал ли тот о женщине по имени Сун Чжиин.

— Сун Чжиин? — Крестьянин поскрёб затылок. — Не, не знаю такой.

— Как же так? Она ведь невестка вашего помощника старосты, за его вторым сыном замужем.

— А-а! Так ты про жену Цзясяня! — лицо мужика прояснилось.

Лин Цзясянь. Муж его сестры. Его второй зять.

— А тебе-то она зачем? — подозрительно прищурился собеседник, оглядывая Чжиши с ног до головы.

Чжиши спокойно выдержал этот взгляд и мягко пояснил:

— Я младший брат Лин Цзясяня по линии жены. Чжиин — моя родная сестра.

Крестьянин присмотрелся к его дорогой, пусть и припылённой одежде, смекнул, что перед ним городской артист, и сменил гнев на милость. Раз уж парень выступает здесь, значит, не шпион какой. И он охотно выложил всё, что знал о делах в семействе Лин.

Семья Лин считалась в бригаде Хунсин зажиточной и уважаемой. Жили они дружно, в семье все ладили, работа спорилась. Слушая этот бесхитростный рассказ, Чжиши почувствовал, как с души свалился огромный камень. А когда старик упомянул, что месяц назад у сестры родилась дочка, его сердце и вовсе забилося от радости.

— Постой-ка... — Крестьянин вдруг недоумённо уставился на него. — Ты же ей брат. Как сам-то не знал?

Сун Чжиши густо покраснел. Нахлынувшее чувство вины едва не задушило его. В этой жизни он не видел сестру больше года, а из прошлой — и вовсе стёрлись почти все воспоминания о том суровом времени.

В его памяти всплыл смутный образ. Да, это была его самая младшая племянница. Но в прошлый раз... в прошлый раз эта малютка умерла, не прожив и года. Смерть забрала её из-за жуткого голода и отсутствия нормального питания.

«На этот раз всё будет иначе, — Чжиши до боли сжал кулаки. — Я спасу её. Обязательно спасу»

Эта трагедия навсегда надломила сестру и зятя. Больше детей у них так и не появилось, и они до конца дней своих несли в душе эту тихую, серую скорбь.

— Мы давно не виделись... Но теперь я обязательно к ним съезжу. Сразу после концерта. Спасибо вам, дедушка, огромное спасибо! — искренне поблагодарил он земляка.

Проводив крестьянина, Чжиши отвернулся к стене. Слезы сами собой брызнули из глаз. Он поспешно утёр их рукавом, шумно выдохнул и улыбнулся. Впереди была новая жизнь, полная надежды, и он сделает всё, чтобы защитить тех, кого любил.

Когда Сун Чжиши вернулся за кулисы, от прежнего относительного порядка не осталось и следа. По коридорам бегали испуганные администраторы, а артисты взволнованно перешёптывались.

Он поймал пробежавшего мимо скрипача за плечо:

— Что стряслось?

— Цуй Пэн сквозь землю провалился! — бросил тот на ходу и умчался дальше. — Весь ансамбль на ушах стоит!

Цуй Пэн? Но ведь он ведущий солист сегодняшней программы. Как он мог пропасть перед самым началом?

Вскоре в проходе показалась покрасневшая Чжу Фанцзе. Завидев Чжиши, она облегчённо выдохнула и строго наказала:

— Наконец-то я тебя нашла. Стой здесь и никуда не отлучайся, понял? За кулисами чёрт-те что творится.

— Капитан Чжу, неужели Цуй Пэн действительно исчез?

— Пропал, — на губах Фанцзе промелькнула холодная, едва заметная усмешка. — Но это проблемы вокальной труппы, пускай их начальство само расхлёбывает. Нас это не касается.

Чжиши понимающе кивнул. Слухи о том, что Чжу Фанцзе и Цуй Дафу давно точат друг на друга зубы, оказались чистой правдой.

Тем временем на уезд опустились сумерки. Над импровизированной сценой вспыхнули прожекторы, ознаменовав начало торжественного вечера.

Убранство сцены дышало духом ушедшей эпохи. В самом центре висел огромный, величественный портрет Председателя, задрапированный тяжёлым красным шёлком. По краям подмостки были густо украшены живыми цветами.

К микрофону чеканным шагом вышла молодая женщина-конферансье в новенькой военной форме. Став перед портретом, она торжественно и воодушевлённо объявила об открытии концерта.

<http://bllate.org/book/19670/1996402>